О поэте Цветкове я узнал из книги Петра Вайля «Стихи про меня» (2006 год). Вайль собрал свои любимые стихи — от Анненского и Мандельштама до Бродского и Гандлевского — и снабдил каждое коротким эссе, размышлениями на тему. Так я узнал, что после стихотворно-прозаической книги «Эдем» Цветков не написал — с 1986-го по 2003 год — ни строчки. Что он купил в Вашингтоне говорящего попугая. Что из Запорожья проделал путь в Москву, Сан-Франциско, Пенсильванию, Вашингтон, Мюнхен, Прагу... Ну и, конечно, стихи...

Стихи в исполнении самого автора я услышал на фестивале «Киевские Лавры» Александра Кабанова в 2013 году, собственно, в Киеве. Днем были выступления, чтения, круглые столы, а вечером — долгие застолья на берегу Днепра, с водкой, чачей, фаршированным поросенком — с головой и глазами, и, конечно, снова читали стихи, не только свои, читали всех подряд — и Северянина, и Ахматову. Тариэл Цхварадзе произносил цветистые тосты, Бахыт Кенжеев читал избранные стихи, Цветков с Юлией Веретенниковой-Каденко затягивали дуэтом грустные украинские песни, их голоса разносились над рекой, смешиваясь с ночью, водой, душистым летним воздухом. Мы подпевали как могли. Особенно помню «Ще не вмерла Украина».

Цветков сердился, когда убивали комаров, выговаривал: «Ну чем ты лучше него?» Он вообще долгие годы был вегетарианцем и «одушевлял» зверей — тараканов, комаров, мушек, белок... Даже имена им давал.

Неудивительно, что он написал детскую книгу «Бестиарий»:

Различаю без помарки
Волка, тигра и змею.
Всех животных в зоопарке
Без ошибки узнаю.

На этой книжке выросла наша дочь Хая, которую Цветков называл домашним прозвищем Сюся. Они познакомились в ее шесть месяцев в Нью-Йорке, в Квинсе, куда мы зашли к нему в гости. Жил он уединенно, в небольшой холостяцкой квартире. В крохотной гостиной на зеленом диване расположилась коллекция игрушечных медведей — он собирал их (вольно или невольно?) на протяжении многих лет. Привезли и мы ему израильского мишку-сиониста, который спустя несколько лет репатриировался вместе с Цветковым в Израиль, а после его смерти вернулся к нам.

На подоконнике снаружи его квартиры прыгала белка, в ванной жила мушка, мы гуляли по Квинсу, по Манхеттену, сидели в барах...

бог давно живет в нью-йорке
нам не делает вреда
в длинной узенькой каморке
где-то возле fdr

он с утра заварит кофе
дождь увидит за окном
на стене мария в профиль
рядом сын на выпускном

После он приезжал в Израиль, дважды останавливался у нас в Тель-Авиве, был замечательным гостем и соседом — с ним было не только интересно, но и удивительно комфортно сосуществовать в одном пространстве. Мы устраивали вечера, застолья, опять читали стихи. В ноябре 2016-го Цветков написал в нашей домашней гостевой книге по следам этих вечеров шутливые лимерики, которые, само собой, нигде не опубликованы.

***

Один господин из Италии
Решил приналечь на хинкалии
Он с презрением к риску
Съел их целую миску
И слегка увеличился в талии.

***

Другой господин из Армении
Нашел в морозилке пельмении
Он их съел весь запас
После выпил весь квас
и был в полном недоумении.

***

Мелкий лавочник из Алматы
Полюбил алкоголь и манты
Мигом в гору судьба его
Стал он зять Назарбаева
И ко всем обращался на ты.

В конце декабря 2017-го Цветков репатриировался в Израиль. Не знаю, горько шутил или взаправду — из-за победы на выборах в США Дональда Трампа. В компании кто-то сказал, мол, Украина, Россия, Прага, Америка, теперь Израиль — где в следующий раз увидимся? «Я сюда умирать приехал», — мрачно ответил Алексей Петрович. Здесь на кладбище в Реховоте похоронена его мать Бэлла Цыганова, на могилу которой я его каждый приезд сопровождал...

В Израиле мы встречались реже, чем хотелось бы, но тем не менее... Несколько раз побывали у художника Михаила Гробмана и Иры Врубель, помню их спор — кто лучше как поэт: Мандельштам или Пастернак? Так ни до чего и не договорились. Мы переехали, устроили в мае 2019 года квартирник Цветкову и Герману Лукомникову, казалось бы, совсем разным поэтам, но вечер получился душевный, пришло человек семьдесят —много читали и не хотели расходиться... В декабре 2021-го устроили еще один квартирник с Игорем Иртеньевым. Застолья, поездки, даже небольшие путешествия на север Израиля, ну и, конечно, водка и стихи, стихи...

У Цветкова была еще одна особенность — он любил ультрасовременные гаджеты и щедро одаривал ими друзей. Какие-то фотоаппараты, флешки, зарядки. Мне он подарил почему-то телефон Нексус. «Бери, у меня их два», — отрывисто пробасил он. Телефон этот подрезали воры на бульваре Хар Цион в Тель-Авиве, но память так легко не подрежешь...

Внезапно прочитал его пост на «Фейсбуке»: «Вот лежу в палате, как чайничек. С другом кислородом. Температур 39,6». Поехал в больницу, спросил, что привезти. Он попросил апельсиновый или ананасовый сок. Казалось, это просто пневмония, его вылечат, и мы еще посидим вместе. Но оказался острый лейкоз. В последний раз мы увиделись за две минуты до его смерти, он был уже без сознания. В последние дни с ним были многие его друзья, по воле случая приехавшие из Америки — Лена Микаэлян, Лена Мандель, Бахыт Кенжеев, очень помог Феликс Хармац. Похоронили его в Петах-Тикве, в стене, как принято в Израиле. Бахыт Кенжеев и Наум Вайман прочли над могилой стихи.

Наша шестилетняя дочь Хая, та самая Сюся, вечером рыдала: «Мне что, до смерти ходить в детский сад с этим рюкзаком?» Жена: «Детского сада остался месяц в твоей жизни». Хая: «Как месяц?!» (Рыдания усиливаются). Вторая дочь Лили, 4 года: «Вы что, не понимаете, она рыдает не из-за детского сада, а потому что Алексей Петрович умер». Хая: «Молчи, этого нельзя говорить вслух, это как Яхве».